

К пятидесятилетию сатирических ансамблей «Кохинор» и «Рейшинка»

Зал в Центральном доме архитектора переполнен. Люди стоят в проходах. Занавес еще закрыт. Медленно гаснет свет. Зал затихает. На освещенную авансцену, слегка прихрамывая, выходит представительный мужчина. Зал взрывается аплодисментами. Мужчина улыбается, кивая головой, здоровается со знакомыми, сидящими в первых рядах, поднимает руку, утихомиривая хлопающую публику, и зычным, хорошо поставленным актерским голосом объявляет: «Начинаем тысячу четыреста пятьдесят восьмое выступление сатирических ансамблей «Кохинор» и «Рейшинка». Пока публика опять неистово бьет в ладоши, мужчина достает из кармана бумажку с заранее написанной (авторским коллективом) остроумной вступительной репризой.

Мы, стоя за кулисами, видим, как он волнуется. От этого волнения он по бумажке не читает, а начинает говорить что-то от себя, довольно далекое от написанного. Заканчивает он этот спитч достаточно неожиданно: «Итак, на сцене тысяча пятьсот девятое выступление этих ансамблей».

Занавес раскрывается, на сцене хор, у рояля Александр Хейфец.

Выходит дирижер Игорь Покровский. Опять овации. Начинается концерт, в котором этот мужчина поет сольские партии очень громко и необыкновенно артистично. Его представлять не надо. Это «мотор» ансамблей и до 1993 года бессменный председатель правления ЦДА Воля Иосифович Косаржевский «Тот самый Косаржевский», как написано на барельефе, украшающем вестибюль Центрального дома архитектора.

Ходульная фраза, что незаменимых людей нет, очень часто себя не оправдывает. Когда не стало Воли, этот мотор из отлаженного аппарата как бы вынули. Все стало блекнуть. И выступления ансамблей и работа Дома. Оставшиеся на этом свете во главе с очень энергичным директором ЦДА Евгением Ольшанским старались удержать высокий уровень выступлений «Кохинора» и популярности Дома. Тем не менее, поначалу было явное ощущение, что не хватает той энергетики, динамики, шума, веселья и затей, которые вносил в коллектив Воля.

Я знал его очень много лет. Впервые встретил в 1959 году в мастерской Б.С.Мезенцева, где я был на практике, а он работал. Мы делали тогда застройку начала Денинского проспекта,

ВОЛЯ

где в доме с магазином «Спутник» Воля получил малюсенькую однокомнатную квартиру. Эту квартиру он сам лично благоустроил, все обколотил речкой, сделал мебель. У него были золотые руки умельца, в чем я убедился, когда позднее мы, работая с ним в ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий, постоянно монтировали грандиозные выставки наших проектов в Гражданстрое. В этом же институте мы проектировали туристический комплекс в Суздале, за который Воля получил Государственную премию СССР. В силу общительности Волиного характера и обаяния, его знали буквально все в этом городе и помнят до сих пор.

В ЦДА он был настоящий общественник, активно участвовал во всех наших развлекательных затеях: в создании новых программ «Кохинора», в организации репетиции хора в Москве, в доме творчества «Суханово», в Зеленогорске под Ленинградом. Он с большим удовольствием выступал вместе с нами в ночных посиделках в ресторане ЦДА, где мужской клуб архитекторов «Сова» проводил встречи Старого Нового года. И всегда первенствовал, и все возглавлял.

Когда в 1993 году ансамблям исполнилось 40 лет, Воля предложил устроить им похороны и всю программу построить на манер панихиды. Наиболее суеверные из нас отговаривали его. Говорили, что на эту тему шутить нельзя, так как можно накликают беду. Но Волю, что называется, понесло. Он всех убедил. Несмотря на некоторую черноту юмора, программа получилась яркой. С успехом прошла ее премьера

в Доме кино. Но, вероятно, суеверия бытуют в народе не зря. Через некоторое время после премьеры мы хоронили Волю. И с этого момента наша художественная деятельность начала хиреть. Ушли из жизни наиболее яркие солисты, за ними Покровский и Хейфец. Остальные потеряли кураж и, естественно, постарели. Закончился двадцатый век, превратив в историю культуру теперь уже прошлого века. Начался век новый, а с ним пришло новое поколение со своей культурой и со своими увлечениями.

Сегодня, глядя на это «племя молодое незнакомое», я с грустью понимаю, что мы были другими и, может быть, даже наивными, как все «шестидесятники», но безусловно готовыми отдавать всю энергию общественной деятельности. Вместо денежных гоноров мы получали благодарные аплодисменты своих товарищей, и были счастливы этим.

«Основатели сцены» говорили, что продолжительность жизни театра равняется продолжительности жизни его создателей. С уходом в мир иной наших лидеров захлопнулась обложка этой чудесной книги с названием «Кохинор». Но это не означает, что жизнь кончилась. Жизнь в Доме продолжается, а со стены вестибюля улыбается знакомое лицо, превращенное в барельеф.

Что же касается суеверий, то вспоминается еще одна сбывшаяся примета. В том же 1993 году Воля, разбирая свой архив на работе, отдал мне свою фотографию, на которой он был запечатлен при всех своих фронтовых орденах и медалях. Фотографировали его ко дню Победы, как и остальных участников Великой Отечественной войны, для праздничного стенда. Отдавая мне фотографию, Воля шутливо сказал: «Пусть хранится у тебя. Если со мной что, то пригодится». Через несколько дней я приклеивал это фото на подрамник с черной рамкой, лишней раз убеждаясь в мудрости народной пословицы: «Не тронь лиха, пока оно тихо».

В заключение мне хочется сказать, что все, кому приходилось общаться с Волей, помнят его, как веселого жизнелюба, шумного тамаду в застольях, любвеобильного мужика, энергичного организатора, талантливого архитектора и прекрасного человека, прожившего достойную и очень яркую жизнь. И надеюсь, что будут помнить его еще долго.

Юрий Мурзин

P.S. А доживи Воля до наших дней, то был бы обязательно академиком всех ныне существующих академий. Вот такой он был человек!